

Хвольсон Анна Борисовна

Ручеек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А68

А68 **Анна Борисовна Х.**
Ручеек / Хвольсон Анна Борисовна – М.: Книга по Требованию, 2026. – 133 с.

ISBN 978-5-521-29008-6

ISBN 978-5-521-29008-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Костя повернулъ голову въ ту сторону, да такъ и ахнулъ отъ восторга. Глубоко въ водѣ, чуть-чуть выдаваясь верхушками надъ уровнемъ моря, росли красивыя вѣтвистыя деревья съ цвѣтками.

— Ты думаешь, это деревья? — продолжалъ его спутникъ. — Нѣтъ, не деревья! Стволъ, вѣточки, цвѣточки — все живыя существа, крохотныя отдѣльныя животныя — полипы, живущіе въ моряхъ въ соленой водѣ. Прѣсную они не переносятъ. Каждое дерево состоитъ изъ цѣлой колоніи полиповъ, сообща работающихъ надъ постройкой его.

— Ахъ, смотри, тотъ полипъ выпустилъ изъ тѣла тоненькія ниточки и обволокъ ими какую-то мелюзгу, — указалъ Костя.

— Это онъ добычу обжегъ своими крапивными нитями, чтобы она отъ него не ушла; полипы всегда такъ охотятся за пищей, — отвѣтилъ спокойно матросикъ.

— И ты былъ въ морѣ, строилъ такія же деревья и такъ же охотился?

— О, это было ужъ очень, очень давно! Жили мы большой колоніей у береговъ Мадагаскара. Между всѣми сосѣдними общинами наша славилась своими работниками; тѣмъ болѣе намъ это было лестно, что полипы народъ дѣльный, сидѣть безъ работы не любятъ. Начали мы со ствола: когда онъ былъ готовъ, мы принялись за вѣтки и вѣточки. Работа кипѣла, и не прошло много времени, какъ у насъ образовалось большое вѣтвистое дерево, дошедшее до самой поверхности воды. Были между нами смѣльчаки, которые хотѣли продолжать работу и выше, но какъ только они высывались изъ морской воды, то моментально умирали. Вокругъ насъ сосѣди тоже не дремали, у нихъ также кипѣла работа; рядомъ съ нашими стояли такія же деревья, образуя правильный кругъ въ видѣ кольца. Я разъ слышалъ, люди называютъ такой кругъ коралловымъ рифомъ.

— Гдѣ же вы берете матеріалъ?

— Въ самихъ себѣ. Пищу, которую мы съѣдаемъ, мы въ видѣ липкой жидкости выпускаемъ, она затвердѣваетъ и служить намъ единственнымъ матеріаломъ для сложной постройки рифа. И какъ весело было у насъ! Какая жизнь кипѣла по всѣмъ закоулкамъ нашего рифа: какъ птицы въ вѣтвяхъ, проворно играли между нами рыбки, раки и полипы. Подъ нами сидѣли скромныя лиліи и розоватыя франтихи, морскія звѣзды. Все это двигалось, охотилось и отдыхало. Какъ было весело! — добавилъ рассказчикъ.

— Вотъ посмотри самъ, что тамъ творится!

Костя заглянулъ вглубь и увидѣлъ множество оранжевыхъ и розовыхъ звѣздочекъ, усаженныхъ иголками, тѣло у нихъ было плоское съ пятью отростками, на концѣ каждаго изъ нихъ находился глазъ.

— Развѣ онѣ свѣтятся? — спросилъ Костя, внимательно разсматривая ихъ.

— Онѣ не потому называются звѣздами, а по своей формѣ; вѣдь онѣ живыя существа!

— Скажи пожалуйста, отчего у этихъ цвѣтовъ нѣтъ листьевъ, какъ у нашихъ, а только одни цвѣты? — указалъ Костя на цѣлую массу цвѣтовъ, прикрѣпленныхъ стеблями къ подводнымъ камнямъ.

— Потому что это не растенія, а тоже морскія животныя; они прикрѣплены къ мѣсту и не въ состояніи двигаться, мелкіе моллюски вмѣстѣ съ водою попадаютъ имъ въ ротъ, такъ что имъ не нужно искать пищи.

— Да, — сказалъ коралловый человѣчекъ, — много чудесъ скрываетъ въ себѣ глубокое, то грозное, свирѣпое, угрожающее, то тихое, ласково убаюкивающее море!

— Посмотри, посмотри скорѣе! — вскрикнулъ Костя и указалъ рукою на новое, дивное зрѣлище. Море заколыхалось и точно загорѣлось со всѣхъ сторонъ, на всемъ его протяженіи образовались широкія полосы свѣта, которыя шли то въ видѣ искрящейся,

извилистой ленты, то въ видѣ свѣтящейся волны, то вырывались изъ подъ колесъ шедшаго корабля дождемъ огненныхъ брызгъ.

— Я знаю, что это такое. Мнѣ еще сегодня папа разсказалъ. Этотъ свѣтъ издають всѣ низшія морскія животныя, при малѣйшемъ колебаніи моря; чѣмъ больше ихъ накапливается на поверхности, тѣмъ сильнѣе и красивѣе этотъ свѣтъ.

Луна и звѣзды между тѣмъ гасли, на востокъ показались розовые проблески зари, охватившіе вскорѣ; полъ неба.

Величественно встало солнце для дневнаго обхода міра.

Другая жизнь началась въ глубинѣ и на поверхности моря. Милліоны рыбокъ заиграли, плескаясь въ водѣ, вдали показался великанъ океана китъ, изъ ноздрей онъ выпускалъ столбъ воды, который казался высокимъ фонтаномъ.

Вдругъ Костя съ ужасомъ отскочилъ отъ берега: недалеко отъ него пронеслось стадо огромныхъ акулъ, за ними вдогонку плыло не менѣе разбойничье стадо хищниковъ, пилы-рыбы. Акулы раскрывали свои зубастыя пасти, и Костя ясно увидѣлъ, что ихъ верхнія и нижнія челюсти усыяны многими рядами острыхъ зубовъ.

Костя съ отвращеніемъ отвернулся.

— Я тоже не могу видѣть этихъ отвратительныхъ чудовищъ, — сказалъ коралловый человѣчекъ. — Нѣтъ въ морѣ рыбы обжорливѣе и жаднѣе ея! Пойдемъ! Я лучше покажу тебѣ, что раньше общалъ: какъ ловятъ жемчугъ.

Какъ по волшебству, картина измѣнилась. Передъ нимъ было тоже море, но съ другимъ названіемъ, съ другимъ берегомъ. Костя ближе подвинулся къ матросику, до того онъ былъ пораженъ новымъ видомъ; на большомъ пространствѣ песчанаго берега раскинулись всевозможные палатки, шатры, лавочки и ларьки; здѣсь толпилась и суетилась масса людей различныхъ націй: были тутъ негры, турки, индусы, персы, англичане и нѣмцы, но больше всего малайцевъ; все это говорило, спорило, покупало, продавало, и надъ всѣмъ берегомъ стоялъ невообразимый шумъ и гамъ.

Матросикъ сдѣлался вдругъ большимъ и взялъ Костю за руку.

— Мы съ тобою теперь на западномъ берегу острова Цейлона, куда ежегодно съѣзжаются для ловли жемчуга болѣе тридцати тысячъ людей; въ другое время берегъ этотъ пустъ и никто на немъ не живетъ, но во время ловли ты видишь самъ, что здѣсь происходитъ!

— Конечно не всѣ занимаются ловлею: одни торгуютъ съѣстными припасами, другіе скупаютъ жемчугъ. Не бойся! Никто намъ ничего не сдѣлаетъ, — сказалъ онъ Костѣ, видя, что тотъ испугался двухъ индусовъ.

— Пойдемъ, посмотримъ лучше, что теперь дѣлается на морѣ.

Солнце только что встало и освѣтило до двухсотъ отъѣзжающихъ въ море лодокъ. Въ каждой лодкѣ сидѣло по два обнаженныхъ водолаза и по два гребца. Костя, самъ не зная какъ, очутился со своимъ спутникомъ тоже въ лодкѣ и сталъ внимательно ко всему присматриваться.

Выѣхавъ въ море, лодки стали на извѣстномъ мѣстѣ: къ каждой изъ нихъ на толстомъ канатѣ былъ привязанъ большой камень; на этотъ камень вскакивалъ водолазъ, держа небольшую корзину въ лѣвой рукѣ, а правой придерживаясь за канатъ. Оставшіеся въ лодкѣ быстро распускали канатъ, который вмѣстѣ съ камнемъ и стоящимъ на немъ водолазомъ погружался на глубину двѣнадцати сажень, гдѣ на песчаной мели лежали рядами жемчужныя раковины. Пока водолазъ находился подъ водою, сидящіе въ лодкѣ громко кричали и шумѣли, чтобы этимъ шумомъ спугнуть акулъ и другихъ морскихъ чудовищъ, подстерегающихъ безоружныхъ водолазовъ.

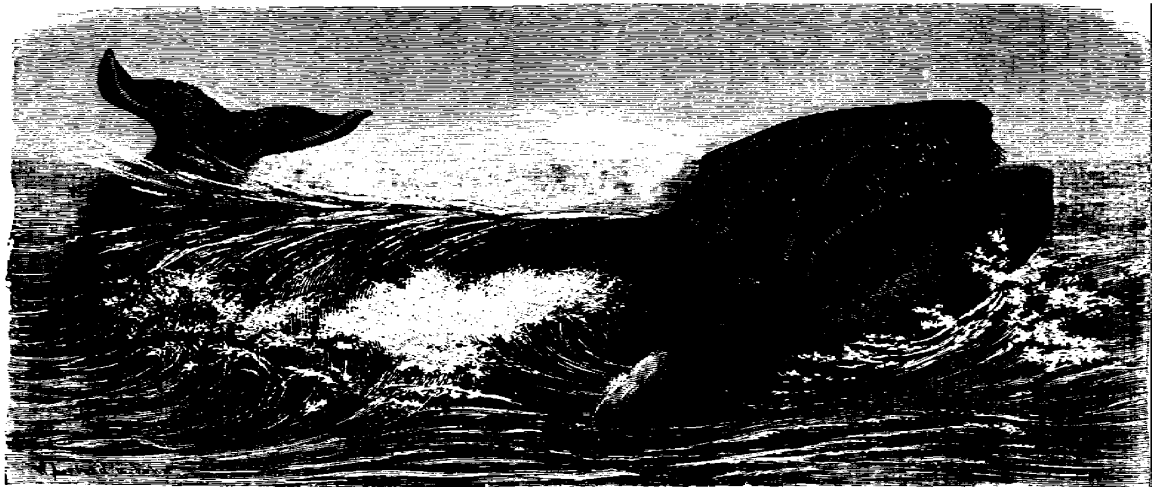
Захвативъ штукъ десять раковинъ, водолазъ бросалъ ихъ въ корзинку и обѣими руками начиналъ дергать канатъ; при первомъ движеніи каната его быстро вытаскивали. Водолазъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, голова его кружилась, въ ушахъ раздавался звонъ, дыханіе спирало и онъ долженъ былъ отдохнуть минутъ пять, чтобы оправиться послѣ полуминуты, проведенной подъ водою. Костя еще замѣтилъ, что передъ тѣмъ, какъ спуститься вглубь, водолазы надѣвали на носъ роговую пластинку, которая, сжимая ноздри, мѣшала имъ дышать.

Пока первый отдыхалъ, въ воду спускался другой водолазъ и такъ они чередовались до четырехъ часовъ пополудни; къ этому времени уловъ окончился и всѣ люди возвратились на берегъ.

Въ сторонѣ отъ другихъ построекъ стояло четырехугольное строеніе — главный складъ, куда всѣ водолазы спѣшили сдать свой дневной уловъ. Тамъ раковины принимались приказчикомъ, который и платилъ водолазамъ за работу. Всѣ принесенныя раковины складывались на одно мѣсто, гдѣ ихъ зарывали.

— Для чего это дѣлается? — спросилъ Костя у матросика.

— Черезъ нѣкоторое время моллюскъ и створки его сгниваютъ, и жемчугъ массами вываливается въ тутъ же устроенные бассейны, гдѣ онъ прополаскивается водой, — отвѣтилъ ему коралловый человѣчекъ, — но отъ гніенія по всему побережью разносится вредный, зловонный воздухъ, который бываетъ причиной многихъ болѣзней между населеніемъ.

Костѣ не понравилось это трудное, сопряженное съ болѣзнями и опасностями жизни, занятіе, ему захотѣлось опять видѣть море безъ людей, съ его чудными жителями, съ его невѣдомыми сокровищами.

— Ай!.. — воскликнулъ онъ и полетѣлъ въ глубокую пропасть...

— Господь съ тобою! что ты такъ кричишь? — услышалъ онъ голосъ мамы.

Костя открылъ глаза.

Что это?! Надъ нимъ, улыбаясь, наклонилась мать; кругомъ знакомая обстановка ихъ уютной дѣтской.

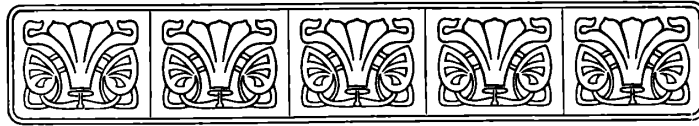
Гдѣ же море съ его чудесами и явленіями? Костя сталъ озираться кругомъ, ища глазами своего спутника. Тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, лежалъ на ночномъ столикѣ.

— Какъ я попалъ сюда на свою кроватку? Вѣдь я былъ такъ далеко отсюда... Ахъ! Мапочка, чего-чего я тамъ ни видалъ! И Костя разсказалъ матери свое путешествіе съ коралловымъ матросикомъ.

РУЧЕЕКЪ. РАССКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Ты, видно, милый Котикъ, внимательно слушалъ вчера папины рассказы, если они тебѣ такъ живо приснились. А теперь одѣвайся и пойдемъ чай пить, папа давно уже поджидаетъ тебя изъ твоего далекаго путешествія...

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

I.

Между сѣрыми избами нарядно выдѣлялась новенькая изба старосты Герасима. Весело смотрѣли ея маленькія оконца съ зелеными расписными ставнями, ярко пестрѣли рѣзныя полотенца на воротахъ; высокое крылечко было чисто выметено и посыпано желтымъ песочкомъ.

Хорошо и привольно жилось обывателямъ этой уютной снаружи и внутри избушки. Герасимъ былъ мужикъ степенный, съ достаткомъ; жилъ онъ со своими старыми родителями и двумя дѣтьми, дѣвочкой Дуней и мальчикомъ Васей. Жена его умерла, когда Васюткѣ еще не было года, а Дунѣ едва минуло четыре; съ тѣхъ поръ дѣвочка сдѣлалась для малютки-брата самой любящей, самой заботливой нянькой.

Братъ и сестра души не чаяли другъ въ другъ, казалось, одинъ не могъ жить безъ другого; гдѣ виднѣлась русая головка Дуни, тамъ уже навѣрное находился бутузъ Вася.

— Вася, я за грибами пойду, — бывало, скажетъ Дуня брату, — вечеръ Оекла сказывала, много ихъ послѣ дождя пошло. Ребятишки, слышь, набрали полные кузовки.

— И я съ тобой, — говорить краснощекай мальчуганъ.

— Эва, и ты! Да куда тебѣ — устанешь! Оставайся-ка лучше дома.

— Возьми! — настаивалъ Вася, хорошо зная, что сестра не дастъ ему устать: на рукахъ понесетъ.

Зато и любилъ же онъ свою Дуняшу: что ни получалъ, все съ нею пополамъ дѣлилъ и все бы отдалъ, да она не брала.

Зимою, когда деревенскія избы, потонувши въ снѣгу, прислушиваются къ снѣжнымъ мятелямъ, внутри Дуниной избы бывало свѣтло и тепло. Длинная, тонкая лучина, вставленная въ стѣну, треща освѣщала

своимъ яркимъ пламенемъ сидящую за пряжей бабу и обоихъ ребяташекъ, прижавшихся другъ къ другу и съ замираніемъ сердца слушающихъ сказку про Бабу-Ягу, Костяную Ногу. Страшный рассказъ бабки преслѣдовалъ Васю даже во снѣ; заснувъ на полатахъ подъ теплымъ полушубкомъ, онъ прижимался къ сестрѣ и долго еще вздрагивалъ отъ жуткаго страха. Но на слѣдующій день страхи исчезали, и Вася, какъ ни въ чемъ не бывало, лѣпилъ на улицѣ со всею деревенскою дѣтворой снѣжныхъ болвановъ, и звонкій смѣхъ его разносился далеко по морозному воздуху; а вечеромъ онъ опять приставалъ къ бабкѣ, чтобы она рассказала новую сказочку, да только пострашнѣе.

Лѣтомъ у дѣтей были другія утѣхи: пойдутъ они цѣлой ватагой въ лѣсъ, наберутъ тамъ душистой лѣсной земляники, — ея росло въ лѣсу такъ много, что самимъ, бывало, не съѣсть, еще домой приносили. Только пропадала земляника, начиналась черника, за нею голубица и брусника; а грибовъ-то сколько росло въ ихъ лѣсахъ!.. И цѣлый день между густою зеленою лѣса мелькали русыя и черныя головки.

Было и другое любимое занятіе: стать по колѣно въ рѣчку и брызгать другъ на друга водою.

Но лучшимъ удовольствіемъ ребятъ было забираться въ горохъ: тутъ ужъ имъ бывало чистое раздолье! Всѣ взрослые въ полѣ, дома только старики сидятъ; да и гдѣ имъ углядѣть? Горохъ-то высокій!.. И ребяташки, сидя на корточкахъ, уплетали за обѣ щеки свѣжіе, сочные стручья.

Случалось иной разъ какой-нибудь пятилѣтній карапузъ, не зная, съ какой предосторожностью слѣдуетъ опустошать горохъ, крикнетъ во всю мочь:

— Важно мы, ребята, Егора огородъ чистимъ!

А дѣдка Егоръ, какъ на грѣхъ, и услышитъ.

— Вотъ я васъ хворостиной почищу, озорники вы такіе; забудете дорогу въ мой огородъ! Пострѣлы, вотъ, стойте-ка, я васъ!..

Но пока старыя ноги Егора доплетались до огорода, вся ватага съ крикомъ и смѣхомъ носилась уже по деревнѣ.

II.

На дворѣ стояла чудная, на рѣдкость сухая, осень. Крестьяне спѣшили покончить дѣла на ригѣ и на мельницѣ, чтобы зимою посвободнѣе было.

Былъ тихій, теплый вечеръ, одинъ изъ тѣхъ, когда кажется, что лѣто еще не ушло, что оно еще не скоро уступитъ мѣсто слезливой осени.

Наработавшись за день, деревня спала крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, даже собаки и тѣ залѣзли кто куда могъ; для виду одна какая-нибудь тявкнетъ, но, не получивъ отвѣта, подбираетъ хвостъ и лапы подъ себя и, мигнувъ однимъ глазомъ, рѣшала, что поспать, пожалуй, лучше и покойнѣе будетъ.

Долго ли спала Дуня, она не помнила. Проснулась она отъ сильнаго жару и свѣта. Открывъ глаза, она сразу даже не могла сообразить, гдѣ она, что съ ней. Въ избѣ было свѣтло какъ днемъ, пахло ѣдкимъ дымомъ. „Пожаръ!“ — мелькнуло въ умѣ дѣвочки. Въ одинъ мигъ она была уже въ сараѣ и разбудила спавшихъ тамъ на снѣгѣ отца и дѣда. Затѣмъ она бросилась обратно въ избу, къ полатамъ, гдѣ спалъ Васютка.

Бабка что-то тащила, кричала ей, чтобы она помогла, но Дуня некогда было разбирать, она схватила на руки брата и помчалась съ нимъ въ поле.

Вася, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ спать. Онъ на минутку открылъ было глаза, обвелъ ими встревоженное личико дѣвочки и заснулъ еще крѣпче.

Въ селѣ между тѣмъ не успѣли еще всѣ проснуться, какъ пожаръ охватилъ уже

многія избы. Общій ужасъ былъ такъ великъ, что крестьяне теряли всякое соображеніе; они хватались за предметы ненужные и оставляли на произволъ пламени свое добро, накопленное долгими трудами: тамъ баба хватала изъ пламени дырявое ведро, а въ избѣ надрывался крохотный ребенокъ; тутъ мужикъ тащилъ телѣгу, не выводя изъ-подъ горящаго навѣса лошадь.

За лѣто избы, крыши и плетни дворовъ высохли, и огонь, не встрѣчая препятствій, пожиралъ все, что попадалось ему на пути.

Вдобавокъ поднялся сильный вѣтеръ, который перебрасывалъ горящія головешки на противоположную часть деревни, такъ что она запылала съ двухъ концовъ.

То тутъ, то тамъ слышались раздирающіе душу крики, и надъ всѣмъ этимъ страшный гулъ, трескъ и стонъ.

Вѣсть о пожарѣ скоро распространилась по многимъ окрестнымъ деревнямъ и городамъ. Стали посылать кто что могъ бѣднымъ погорѣльцамъ, но присылаемаго не хватало, чтобы всѣхъ прикрыть и насытить.

Дунина изба со всѣмъ имуществомъ сгорѣла одна изъ первыхъ. Даже скотину не успѣли спасти, — остались они такими бѣдными, хоть по міру ходи.

Отецъ, получившій во время пожара сильные ожоги, прохворалъ недѣли 2 — 3 и отдалъ Богу душу; дѣдъ немногимъ его пережилъ. Остались сиротки безъ крова и хлѣба.

Наступила глубокая осень. Потянулись сѣрые, холодные и дождливые дни, все было заволочено бѣлесоватой полосой тумана, по сѣрому низкому небу ползли еще болѣе сѣрыя, непривѣтливыя тучи.

И сытому, и сидящему въ теплѣ человѣку непріятно и жутко въ такую пору; но каково тому, кто не имѣетъ, куда преклонить голову и чѣмъ утолить голодъ и жажду!..

Долго думали наши сиротки — что имъ предпринять, куда укрыться отъ зимней стужи, и рѣшили уйти изъ родного уголка — побираться Христовымъ именемъ, какъ это сдѣлала почти вся деревня.

Трудно было имъ разстаться съ мѣстомъ, гдѣ жилось такъ беззаботно и весело, да дѣлать нечего...

Горько плакала горемычная Дуня, прощаясь съ могилами родителей, мысленно давая имъ обѣтъ быть всегда доброю и заботливою сестрою своему маленькому Васѣ, который тутъ же стоялъ и навзрыдъ плакалъ.

Поклонилась она въ землю, перекрестилась, взяла Васю за руку и вышла изъ родного села.

Побрели они, куда глаза глядятъ; перебиваясь кое-какъ, терпя жестокую нужду, шли они все дальше и дальше, пока не дошли до Петербурга.

Непривѣтливо встрѣтилъ ихъ большой городъ. Снѣгу навалило вокругъ него видимо-невидимо. Съ низкаго неба спускались безпрестанно большія мокрыя хлопья. Дѣти, не видавшія такихъ большихъ домовъ, боялись, что эти каменные глыбы вотъ-вотъ обвалятся и задавятъ ихъ, а городской шумъ наводилъ на нихъ невѣроятный страхъ...

Пока они шли по деревнямъ, имъ часто давали денегъ, хлѣба и мѣсто для ночлега, но въ городѣ всѣ казались занятыми, куда-то спѣшили, торопились, перегоняли другъ друга, и никто не остановился выслушать грустную исторію дѣтей.

Не имѣя ни души знакомыхъ, не зная улицъ, Дуняша съ ужасомъ думала, гдѣ они проведутъ ночь.

Лица у дѣтей горѣли, но руки и ноги были, какъ ледъ, холодныя; рѣзкій вѣтеръ дулъ имъ навстрѣчу, пронизывая ихъ насквозь. Они все шли, не зная, куда придутъ, пока не дошли до большого дома, окруженного садомъ.

Вася плакалъ и жаловался на духоту и жаръ, голова у него болѣла до тошноты, въ

рукахъ и ногахъ чувствовалась страшная ломота, губы растрескались, и онъ съ жадностью глоталъ падавшій въ изобиліи слѣгъ.

— Дуня, я не могу дальше идти, тошно мнѣ! Я пить хочу... Сядемъ здѣсь, — и Вася, не дожидаясь Дунинаго отвѣта, опустился на тротуаръ.

Дѣвочка отъ усталости и холода сама еле держалась на ногахъ, но теперь она все забыла и, опустившись возлѣ брата, вся сосредоточилась на блѣдномъ личикѣ его. Она называла его нѣжными, ласкательными именами, пробовала поднять его, но, видя, что ничего не помогаетъ, что Вася лежитъ какъ пласть, встала и громко заплакала.

Вокругъ дѣтей собралась кучка народа, всѣ охали и сочувственно глядѣли на нихъ, кто предлагалъ Васю свезти въ больницу, кто въ полицію. Дуня, какъ и большинство деревенскихъ жителей, боялась полиціи и потому, услыхавъ, что Васю хотятъ отвезти туда, принялась еще громче плакать.

Въ это время изъ толпы вышелъ старичокъ и, ласково обратившись къ Дуни, взялъ ее за руку.

— Не плачь, дитя! Я возьму тебя и братишку къ себѣ, тамъ за вами присмотритъ моя старуха. Вылечимъ мальчугана... А теперь помогите-ка мнѣ, добрые люди, усадить дѣтей на санки! — обратился онъ къ толпѣ.

Кто-то живо сбѣгалъ за извозчикомъ, старикъ взялъ Васю на руки, а дѣвочку усадилъ съ собою рядомъ и поѣхали.

* * *

Три дня уже живетъ Дуня въ домѣ одного стараго чиновника на Выборгской сторонѣ, у того самаго, который поднѣлъ безчувственнаго Васю съ тротуара и вмѣстѣ съ Дуней привезъ къ себѣ.

Во всѣ эти три дня мальчикъ не приходилъ въ себя, онъ даже не бредилъ, а только глухо стоналъ.

Сестра не отходила отъ кровати больного.

Она не знала, да и не думала, гдѣ она; она только все заботилась о своемъ ненаглядномъ Васѣ.

Докторъ приходилъ два раза въ день; онъ внимательно выслушивалъ и осматривалъ больного, прописывалъ ему лекарство, но ничего не помогало.

На четвертый день, Васи не стало...

Послѣ похоронъ брата у Дуни сдѣлалась нервная горячка. Добрые люди, пріютившіе ее, заботились о бѣдной дѣвочкѣ, какъ о своемъ родномъ дѣтищѣ, не жалѣя трудовъ и издержекъ. Долго боролась она между жизнью и смертью, но молодость взяла верхъ, и докторъ, не разъ отчаивавшійся, могъ наконецъ увѣрить стариковъ въ счастливомъ исходѣ болѣзни.

Былъ чудный зимній день. Солнышко, весело блистая, разсыпало безчисленные лучи по ослѣпительно бѣлому слѣгу. Въ комнаткѣ, гдѣ лежала больная дѣвочка, было свѣтло и уютно; Дуня тихо спала и спокойно дышала, вдругъ она улыбнулась и открыла свои большіе голубые глаза. Съ изумленіемъ остановила она ихъ на добромъ лицѣ старушки, сидѣвшей у постели съ чулкомъ въ рукахъ, на симпатичной фигурѣ старика-чиновника, и слезы градомъ потекли по ея блѣднымъ щекамъ.

— Ну, о чемъ, касатка моя? Полно, родная, успокойся! — говорила добрая старушка, глядя Дунину голову. — Богъ дастъ, поправишься, мы тебя никуда не пустимъ — будешь нашей дочерью...

— Поправляйся только скорѣе: въ школу отдадимъ, умницей будешь, — добавилъ старикъ.

Дуня припала къ морщинистой рукѣ, ласково гладившей ее; она сердцемъ угадала, что эти два существа полюбили ее какъ дочь, что они замѣнятъ ей умершихъ родителей и устроятъ ей счастливую и хорошую будущность.

— Вася... — прошептала она, горюя, что помощь явилась поздно и братишкѣ не будетъ житься такъ же хорошо, какъ ей.

— Вася у Бога, — сказала старушка, — тамъ ему лучше, чѣмъ на землѣ...

